

Хорошилов Д.А. Новые подходы к историографии психологии

English version: [Khoroshilov D.A. New approaches to the historiography of psychology](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается критическая историография психологии в ракурсе полипарадигмальности ее развития. Признание множественности исторических форм психологии, поиск культурно-универсальных и специфичных единиц анализа ее интеллектуального прошлого, а также идея социальной истории дают возможность перейти к проблеме диалектического взаимодействия психологии, общества и субъективности. Обосновывается тезис о том, что психология, институализированная как самостоятельная наука, является ключевым фактором конструирования нового образа человека в культуре позднего модерна – «психологического индивида», отвечающего специфике ненасильственного управления агентами социальных действий в демократических обществах. Задача историка с этих эпистемологических позиций – раскрыть опосредованность психологических теорий и практик национальными, социально-политическими и идеологическими контекстами, а также предоставить «право голоса» маргинализируемым со стороны академического мейнстрима традициям и фигурам.

Ключевые слова: социальная история психологии, критическая психология, психологический индивид

Проблема культурно-исторической детерминации научного знания

Художественная интуиция настоящей статьи – это малоизвестный сюжет античной мифологии, иносказательно раскрывающий пристрастность исторического познания: как сообщает Аполлодор, одна из дочерей богини памяти Мнемозины – муза истории Клио – влюбилась в македонского царя Пиера (по наущению Афродиты – из чувства мести, ибо Клио стыдила ее за увлечение Адонисом). От их брака рождается Гиацинт, олицетворение природы, которая, по словам Ф.И.Тютчева, «знать не знает о былом». Надменно-вечной природе чужда история! История, стремясь дистанцироваться от чужих страстей, падает в объятия власть держащего и символически обручается с обществом...

Как и приведенная сейчас интерпретация античного мифа, так и написание истории психологии неизбежно имеет реконструктивный характер, ибо психология – одна из форм коллективной (социальной) памяти, которая является не квазифотографическим снимком прошлого, а процессом интерпретации, что было показано в хрестоматийных работах Ф.Бартлетта и М.Хальбвакса [Cubitt, 2014]. Такой подход оборачивается проблемой презентизма, сводящейся к утверждению: прошлая социальная реальность не может быть реконструирована «объективно» и конструируется всякий раз заново из актуального момента времени; по словам Б.Кроче, современность – это «внутреннее свойство всякой истории» [Кроче, 1998, с. 10]. Противоположный взгляд историзма исходит из понимания прошлого как открытия Другого [Савельева, Полетаев, 2008]. «Новое» прочтение наследия психологии видится «критичным, а не церемониальным, контекстуальным, а не просто историей идей, и более включенным, выходящим за рамки изучения «великих людей» [Furumoto, 1989, p. 18], что предполагает одновременное изучение «внутренней» (интеллектуальной) и «внешней» (социокультурной) истории.

Одним из первых, кто обосновал тезис о культурно-исторической обусловленности науки, стал Г.Шпет. Ретроспективное прочтение его работ позволяет выделить причины, объясняющие влияние культуры и общества на формирование национальной психологии и творчества ученых; в частности, говоря об отечественной науке, следует особо отметить ее антропологизм, этическую направленность и стремление найти практические решения социальных проблем, среди которых наибольшее значение приобретает тема драматически запутанных отношений народа, власти и интеллигенции [Марцинковская, 2007]. Согласно рассуждениям Шпета, «философия приобретает национальный характер не в ответах – научный ответ, действительно, для всех народов и языков – один, – а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях» [Шпет, 2008, с. 218–219].

Таким образом, разные подходы к решению научных проблем – логики построения психологических концепций и задаваемые ими методы исследований – имеют достаточно четко выраженный *национальный характер* [Ждан, 2010]. В настоящее время изучаются национальные особенности развития психологической науки, характерные для различных стран – от Албании до Зимбабве [Benjamin, Baker, 2012]. Проанализирована специфика интеллектуальных традиций Германии, Франции и Англии – Америки [Гусельцева, 2013], дискутируется своеобразие отечественной науки [Юревич, 2015] – отсылаем читателя к соответствующим работам и заодно отметим, что завет Шпета рассматривать культурные формы научного вопрошания представляет собой прекрасное «противоядие» от опасности презентизма в историографии психологии.

Не кроется ли здесь хитрая методологическая ловушка – проблематичным видится сам тезис о том, будто различные «национальные» постановки научного вопроса приведут к одним и тем же культурно-универсальным ответам, по крайней мере в том случае, если мы принимаем утверждение о *полипарадигмальном* характере возникновения и развития психологии как самостоятельной научной дисциплины [Корнилова, 2012]. В связи с этим приобретают актуальность по меньшей мере два теоретических вопроса: 1) о критериях сопоставимости различных парадигм и пределах взаимной транскрипции задаваемых ими объяснений психологических явлений [Порус, 2013] – напомним, что в концепции Т.Куна утверждается парадигмальная несоизмеримость; 2) о переносимости научных категорий, сформулированных условно «современным» человеком Нового и Новейшего времени, на минувшие эпохи и исчезнувшие культуры.

Показательной в этом отношении является дискуссия К.Данцигера и Д.Робинсона, развернувшаяся на страницах журнала «Теория и психология» [Danziger, 2013]. Кратко говоря, Робинсон настаивает на исторической инвариантности определений предмета психологии – у него нет сомнений, что человек прошлого мыслил иначе, чем мы сегодня, благо «предмет психологии так же древен, как и способность размышлять» [Робинсон, 2005, с. 43]. В отличие от Робинсона, Данцигер – развивая две свои предыдущие идеи о том, что экспериментальная психология XIX столетия уже только выбором метода конструировала свой предмет [Danziger, 1990], а затем искала дисциплинарный язык, подходящий для его описания [Danziger, 1997], – утверждает прямо обратное. Коль скоро категории дисциплинарного языка определяют объекты исследования, то нет «монолитной» истории психологии, центрированной вокруг одного предмета, а имеется множество ее предметных областей (не только до, но и после обретения научного статуса, о чем свидетельствуют школы периода «открытого кризиса»).

Признание множественности исторических форм психологии

Теоретическое представление о полипарадигмальности в ракурсе истории психологии разворачивается в трех аспектах: 1) психология – не единая научная дисциплина, а собирательное понятие, объединяющее различные взгляды и исследовательские практики [Смит, 2008]; 2) притом психология – согласно формуле К.Гергена – является историческим исследованием, ибо она имеет дело с фактами, которые невоспроизводимы и изменяются с течением времени, следовательно, 3) предметом истории психологии становятся различные формы исторических и индигенных психологий [Тео, 2015] (см. далее). Изучение личности и индивидуальности человека на различных этапах исторического процесса не оборачивается онтологическим сомнением в ее существовании, проблема заключается скорее в ином: «какие стороны человеческого Я приобретали в том или другом социально-культурном контексте особое значение» [Гуревич, 2009, с. 28].

Для того чтобы подчеркнуть исторический характер формирования личности, ее опосредованность языковыми практиками и отношениями власти, проводимыми в данном обществе, в современной литературе используется понятие *субъективности*, которое дает возможность отказаться от имплицитно подразумеваемого противопоставления индивида и общества. «Субъект обретает конкретную форму через артикуляцию неопределенности в специфических социальных и исторических контекстах» [Зарецкий, 2012]. Такая логика позволяет изучать субъективности человека Средневековья, Древней Руси и т.д., наследуя классическим идеям М.Фуко о «герменевтике себя» – при анализе генеалогии субъекта следует учитывать, «как техники господства одних индивидов над другими встраиваются в процессы воздействия индивидов на самих себя» [Фуко, 2008, с. 72].

Культурно-историческая множественность психологии подтверждается в том числе и данными *индигенных психологий*, раскрывающими социальный контекст жизни группы глазами конкретной этнической общности [Стефаненко, 2014]. Основным фокус внимания составляют локальные психологические понятия, у которых нет аналогов в европейских языках: «амаэ» – потребность в зависимости в Японии или «коро» – патологический страх «растворения» гениталий в теле, характерный для Юго-Восточной Азии [Berry et al., 2011].

Некоторые авторы употребляют понятие индигенной психологии в единственном числе, подчеркивая тем самым не существование отдельных независимых друг от друга психологий, а наличие различных перспектив научного (вполне сциентистского) изучения культуры и познания. Анализ культурно-локальных понятий языка выступает подспорьем для дальнейшего поиска психологических универсалий [Kim, Yang, Hwang, 2006], что, в свою очередь, приводит наши рассуждения к проблеме исторического универсализма – релятивизма (преимущества или дискретности) используемых психологией категорий.

Проблематизация культурно-исторической универсальности – специфичности предметных категорий в психологии

В социальной эпистемологии совмещается поиск культурных универсалий (априорных, устойчивых и относительно независимых от опыта и рефлексии оснований культуры) и локальных исторических событий, изучение которых возможно благодаря ситуационным методам анализа единичных случаев [Касавин, 2013]. Отмечается, что принятие мнения о множественности и неоднородности социокультурной реальности означает также изменение взгляда на построение типологии культур и единиц их анализа, при этом ни одна из них не может считаться абсолютной и претендовать на представление культуры «в целом», какой она является «на самом деле» [Орлова, 2004]. Таким образом, методологические установки современной социальной эпистемологии и антропологии, ориентированные к социально-конструкционистским основаниям, делают весьма проблематичным выделение единиц историко-психологического анализа, которые способны раскрыть универсалии культуры во всем их эмпирическом многообразии (и так выйти за пределы дихотомии релятивизм – универсализм).

Пожалуй, наиболее известный опыт построения категориального строя психологии был предпринят А.В.Петровским и М.Г.Ярошевским [Петровский, Ярошевский, 1998]. Они настаивают на инвариантности базисных и связанных с ними метапсихологических категорий психологического познания; изменение их форм осуществляется закономерно и независимо от стиля мышления отдельных исследователей, что позволяет найти внутреннее родство мысли прошлого и настоящего. Встречаются и более «мягкие» варианты категориального подхода: например, универсальными называются когнитивные процессы («общие способы мышления»), а культурно-специфичными – представления о положении человека в космосе, отношения «Я – Другой», стремление к власти и степень контроля индивида над событиями жизни [O'Boyle, 2011].

Однако в культурно-исторической перспективе претензии некоторых категорий на универсальный характер вызывают и известные сомнения. Как показал в хрестоматийных исследованиях А.Ф.Лосев, в греческом языке нет эквивалента понятия чувства – похожее слово «айстесис» означает материально-чувственное восприятие, которое отражает особое античное видение человека как актера-маски на сцене спектакля, разыгрываемого судьбой [Лосев, 2000]. Дело заключается в том, что в каждый исторический период имеются свои оригинальные модели эмоций, чувственности и

настроений (с точки зрения дискурсивной психологии Р.Харре – локальные словари и классификации), функционирующие как нормативные толкования окружающего мира и самого себя [Юханнисон, 2011]. Таким образом, свершающийся на наших глазах «аффективный поворот» в гуманитарных науках требует историзации эмоций [Донцов, 2014].

История психологии как социальная история

Кратко обозначенный пример из истории эмоций призван иллюстрировать простой тезис о том, что любая используемая нами психологическая категория является идеально-типической конструкцией, границы переносимости которой на стародавние времена и культуры требуют дополнительного обсуждения. В этом смысле история психологии учит нас методологической скромности в претензиях на всеобщность научных утверждений. Проблема универсализма – релятивизма психологических категорий и объяснительных принципов, рассмотренная в историко-эпистемологическом ракурсе, оборачивается фактически уравниванием истории психологии и истории социокультурной.

Г.М.Андреева, поднимая вопрос о соотношении «культурного» и «социального», призывает исследовать статус социальной психологии в обществе одновременно в двух ипостасях – как науки и элемента культуры [Андреева, 2013]. В ее словах можно увидеть указание на первичность все же «социального» как характеристики институциональной структуры общества относительно его смыслового аспекта, соотносимого с культурным и научным знанием. Отталкиваясь от культурных и национальных особенностей различных концепций, историки психологии приходят в конечном счете к проблеме взаимодействия психологии и общества, которая находит отражение в одной из моделей презентации прошлого науки, именуемой «социально-исторической» [Кольцова, 2008].

История психологии не сводится только к хронологии изолированных теорий и исследований – она стремится раскрыть социальные, политические и институциональные условия развития психологических знаний и в этом отношении принимает роль критика науки, напоминая ей о возможных разрывах в преемственности традиций и об упущенных возможностях [Люк, 2012]. Для изучения этих особенностей отношений между обществом и психологией используются весьма близкие понятия интеллектуального «духа времени» (*Zeitgeist*) и социального контекста [Шульц, Шульц, 2002], социальной ситуации развития науки [Марцинковская, 2008].

Современный подход к социальной истории опирается на принципы социального конструкционизма, которые позволяют раскрыть экстра-научный контекст формирования различных определений предмета психологии и ее исследовательских практик [Pickren, Rutherford, 2010]. Одна из первых работ на этой стезе – уже упомянутая работа Данцигера, который четко продемонстрировал, как отношения между исследователем и испытуемым в ранних формах психологического эксперимента в Германии и Франции воспроизводили академические и – шире – социальные отношения в этих странах. Общество – не «фон», а значимый конституирующий фактор научного знания и используемых им категорий.

Хрестоматийный пример, показывающий влияние контекста социальных проблем на развитие психологических знаний, – это обстоятельства возникновения психоанализа в Вене эпохи Габсбургов, отношение к которой у самого Фрейда, как известно, было крайне неоднозначное. Повседневная жизнь Вены являлась прекрасным материалом для изучения проявлений бессознательного [Флем, 2003]. «Хотя в Австрии было не больше невротиков, чем где бы то ни было, именно в этой стране сложились условия, благоприятствующие созданию Фрейдом теории неврозов. Общественная жизнь Австрии проходила под знаком постоянного умалчивания, сопровождающегося подавлением, проявление которого Фрейд постоянно наблюдал на конкретных примерах. Рисуемая им структура невроза представляет собой габсбургское общество в миниатюре» [Джонстон, 2004, с. 361–362].

Любопытная иллюстрация социальной историографии – прочтение эстетических исследований Выготского как проекта русского авангарда: социальное значение искусства трактовалось им в тесной взаимосвязи с педагогикой, направленной на уравнивание человека, который постоянно находился в напряжении с общественной средой ранних лет советской власти. Катарсис же интерпретировался как психологическая реакция разрядки общественного аффекта, анализируемая скорее исходя из формы художественного текста, а не «субъективных» свидетельств его автора или

читателя; стремление к предметности в эстетике привело к бессознательной беспредметности наслаждения образом или идей при умолчании его эмоционального происхождения [Чубаров, 2005].

Поздние теоретические работы Выготского, так же как и его занятия дефектологией и педологией, рассматривались ранее с точки зрения грандиозного проекта строительства «нового человека» [Ярошевский, 1994]. О.А.Седакова тонко отмечает, что ключевая тема мысли Выготского – это «идея возможного, будущего или вечно рождающегося человека как субъекта творчества и его адресата» [Седакова, 2001]. Хотя авангард и претендовал на создание новых форм жизни, превознося себя как «искусство власти, способное управлять жизнью российских граждан и всего мира» [Гройс, 2013, с. 10], психологические идеи об активности в интериоризации и формировании внутреннего – «самостоятельного» плана сознания были неприемлемыми для советского тоталитаризма, что трагически отразилось на их длительном забвении и сложном возвращении в научный обиход [Завершнева, 2007].

Приведенные размышления наглядно показывают, что социальная историография является не просто одной из возможных моделей презентации развития психологического познания во времени, но ключевым подходом к изучению прошлого, который раскрывает сложные отношения между обществом и наукой, их значение в конструировании образа человека в культуре и соответствующих форм восприятия и переживания субъективности.

Конструирование психологического индивида в культуре Нового времени

Небольшая преамбула: социальная историография психологии обращает пристальное внимание на исследовательские практики и методы, встраиваемые в общественные институты [Drunen, Jansz, 2004]. В XX веке «идеи психологов получают все более широкое применение: руководители читают о последних научных чудесах, пытаясь найти ключи к социальному контролю, а широкая публика – пытаясь увидеть источники своего собственного поведения» [Лихи, 2003, с. 379]. Американские психологи, скажем, активно «экспортировали» психологическое знание в школы, клиники, индустрии и т.д., занимаясь его маркетингом и коммерческим продвижением [Ward, 2002].

Здесь намечается неожиданный поворот к изучению исторического вопроса о том, какой вклад внесла психология, едва она стала самостоятельной и институализированной наукой, в формирование образа человека (и его субъективности) эпохи раннего и позднего модерна. Получение научного статуса (путем заимствования экспериментального метода) определялось социокультурными причинами, о которых речь пойдет далее; одновременно теоретическая и прежде всего практическая психология оказывала значительное влияние на формирование нового типа культурного мышления по обе стороны Атлантики. Для осмысления данного события недостаточно одного только признания закономерностей развития научного познания и академического сообщества, задаваемого интеллектуальной историографией, и следует обратиться к истории социальной в широком смысле слова.

Историки выделяют следующие аспекты диалектического отношения психологии и общества [Jansz, 2004]: 1) *индивидуализация* – процесс формирования образа человека как индивида, который обладает уникальными личностными чертами и противопоставляется обществу; 2) *психологизация* – возникновение особого экспертного и обыденного языка, используемого для интерпретации опыта в психологических категориях; 3) *социальный контроль* – формирование психологических «техник себя», направленных на обретение аутентичной и целостной самости, с их помощью либерально-демократические общества опосредованно контролируют индивида «изнутри».

1. *Индивидуализация*. Как известно, «открытие» индивидуальности, возникновение чувства личности, сопровождаемое «интимизацией» мышления и увеличением значения приватного-внутреннего мира человека по сравнению с публичным-внешним, относится к временам Ренессанса и Нового времени [Кон, 1984], положившим начало «эре индивида» [Рено, 2002]. Под влиянием искусства, гуманизма и протестантизма формируется новый культурный тип человека, который имеет развитое индивидуализированное сознание и начинает приобретать самостоятельность от средневековых

сословных и корпоративных связей, все больше представляя не сообщество, а самого себя [Гайденко, 2009].

По мнению Н.Элиаса, «метафизический символ растущей индивидуализации – представление отдельного человека о том, что его внутренний мир и существующие в этом внутреннем мире образования словно отрезаны невидимой стеной от внешнего мира» [Элиас, 2001, с. 178]. Элиас показывает, что современное разделение общества и индивида, внутреннего и внешнего мира является результатом длительного исторического процесса, в ходе которого человек все больше воспринимает себя в отрыве от окружения, а понятие личности приобретает психологические коннотации, усиливающиеся за счет использования методик, измеряющих – конструирующих «индивидуальные различия».

2. *Психологизация*. Знание психологии становится в современном обществе неким «посредником» в представлении индивидом самого себя и других людей; если изменяется привычный порядок каждодневной жизни и что-либо перестает в ней «функционировать», мы автоматически обращаемся к психологическим наукам за объяснением случившегося – так формируется образ «человека психологического» (*Homo psychologicus*) [De Vos, 2013]. Для характеристики влияния психологии на субъективность современного человека часто используется понятие «пси-комплекса» (*psy-complex*), введенное социологом Н.Роузом в 1979 г., – синоним «психологического общества» [Сироткина, Смит, 2008].

Научное и обыденное психологическое знание действует как «самоисполняющееся пророчество», становясь конституирующим в самопонимании и мышлении [Kusch, 2005]. Психологическое общество – особенно в ситуации психотерапии, где случается «встреча» экспертного и повседневного дискурса – артикулирует познание индивида в терминах психологических проблем и техник «работы над собой», имплицитно подразумевающих, что для обретения гармоничной аутентичной самости он нуждается в помощи отдельного специалиста по «субъективности» [Щитцова, 2014]. Такова лепта психологии в создании нового культурного типа «психологического субъекта» (оставившего в стороне исчерпавшие себя образы человека религиозного, политического и экономического [Оришева, 2014]).

3. *Социальный контроль*. Чуть ранее упоминалась общеизвестная мысль Фуко о «техниках себя» и обретения субъективности (отчасти сопоставимая с представлениями Выготского об интериоризации и знаковом преобразовании сознания). С их помощью общество устанавливает «ненасильственную» власть над индивидами «на безопасном расстоянии». «Стратегии «развитого» либерального правления поднимают вопрос о возможности управления без управления обществом, то есть управления посредством регулируемых и ответственных решений автономных агентов» [Роуз, 2008, с. 213]. Мышление человека в индивидуально-психологических категориях становится формой уточненного контроля – или «надзора» (метафора паноптикума у Фуко) за субъектом со стороны общества.

Критические проекты историографии психологии

Обозначенные аспекты взаимоотношений психологии, общества и субъективности современного человека становятся предметом специального изучения в серии концепций, маркированных общим названием *критической психологии*, которая считается одной из трех вариаций социального конструкционизма наравне с дискурсивными и нарративными подходами. Следует отметить, что в отечественной литературе отсутствует изложение основных положений этого направления, которое на протяжении длительного времени считалось маргинальным в западном научном сообществе, но в начале столетия отвоевало собственный авторитетный статус, о чем свидетельствует недавнее издание обобщающего текста [Handbook of critical psychology, 2015]. В России идеи критической психологии были озвучены в ракурсе обсуждения качественных исследований [Бусыгина, 2014].

Манифестом критической психологии стала книга «Изменяя субъект: психология, социальное регулирование и субъективность» [Henriques et al., 1984]. Ее авторы пишут в предисловии, что «индивид не является неизменной или установленной сущностью, а скорее результатом исторических практик социального упорядочивания. Мы не признаем «невинность» теории, особенно когда она стремится избежать наказания, прикрываясь именем науки. Любая теория обусловлена конкретными

историческими обстоятельствами и отчетливо влияет на социальное бытие» [Там же, с. 12]. Основным смыслом критики – это осмысление политической нейтральности психологии и раскрытие ее ангажированности идеологиями (представлениями, оправдывавшими групповое неравенство) и социальными интересами, однако неверно говорить о единой концепции движения – критическая психология раскрывается веером разнообразных направлений (марксистских, психоаналитических, феминистических и других) [Herburn, 2003].

Я.Паркер – одна из ключевых фигур критической психологии – в непринужденной беседе с философом С.Жижекком прослеживает ее исторические корни у К.Хольцкампа, М.Фуко, Э.Ильенкова, а затем призывает заняться исторической политической критикой функций психологии и обнаружить, что она – часть государственного аппарата, который усиливает индивидуализацию личности [Критическая психология..., 2008]. Марксистская «закваска» такого подхода прослеживается в следующих вопросах к истории психологии [Паркер, 2009]: 1) как доминирующие формы психологии действуют идеологически, стоят на службе власти?; 2) как альтернативные психологии складываются, подтверждая или опровергая идеологические репрезентации отношений?; 3) как психологические понятия действуют в повседневной жизни, производя современную психологическую культуру?; 4) как повседневные практики могут формировать основу для сопротивления психологии?

Разумеется, здесь речь не идет об идеологизированном разоблачении «буржуазных теорий», чем вынуждена была прикрываться советская наука, в то время как критическое осмысление психологии возводится к именам И.Канта, И.Г.Фихте и Ф.Ницше, а сейчас сместилось к изучению этико-политических измерений психологии [Тео, 2005]. Подобный разворот, впрочем, тоже обусловлен рядом обстоятельств – ведь общество формулирует «заказ» на научное обсуждение и исследование различных событий прошлого, в том числе – и необходимости написания истории социальной критики психологии.

Критический подход раскрывает социально-политические подтексты психологии и опосредованность ее институционального и дисциплинарного развития идеологическими интересами, обращаясь, кроме уже упомянутых конструкционизма и марксизма, к «альтернативным» феминистической и постколониальной эпистемологиям. Последние объединяют следующие допущения: 1) изучение опыта групп меньшинства в истории науки и разоблачение мифа о претензиях на «объективное знание», объясняемого в понятиях интеллектуального господства; 2) уравнивание языковых и властных практик, говорить нечто – означает дать согласие на подчинение системам ценностей, при этом акт наименования считается основным способом конструирования предубеждений; 3) анализ образовательных учреждений и программ, негласно поддерживающих «белое» «мужское» большинство [Дебласио, 2010]. Сказанное в значительной степени обостряет дискуссии о социокультурной детерминации научного познания и ставит принципиально новые задачи перед написанием истории психологии.

Новые историографические подходы, может быть, стремятся и отойти от легкой ангажированности приведенных рассуждений, привнося критический пафос в обсуждение контекста развития дисциплины утверждением о том, что «каждый аспект деятельности психолога имеет свою социальную историю» [Walsh, Тео, Baydala, 2014, с. xiii]. В таком ключе историография психологии направлена на изучение национальных и индигенных версий психологии (одной из которой является и западная наука), о чем уже упоминалось; она также восстанавливает «голоса» забытых психологами мыслителей (переоткрываются труды одной из первых женщин-ученых мистика Хильдегарды Бингенской, осмысляются «забытые» программы социальной психологии как самостоятельной науки Г.Зиммеля, Э.Росса и Дж.Мида, ищется место для маргинализируемого историками психоанализа Ж.Лакана и т.д.). Пожалуй, основной акцент делается на исследовании функций индивидуализации – психологизации измерительного инструментария и теоретического языка [Richards, 2010]. Однако подробное изложение инноваций критической историографии – предмет иного разговора, пока же нам было достаточно обозначить ее методологические позиции, что позволяет перейти к предварительным итогам.

Выводы

1. Под маской радикализма критической историографии социально-политических и исторический оснований психологии скрывается стремление «сбросить пыль» с классики и перечитать ее, опираясь на современные эпистемологии, так или иначе обращенные к различным вариантам конструкционизма. Думается, что критическая психология доводит до логического завершения идеи о социальной ситуации развития науки (в исторических концепциях М.Г.Ярошевского – Т.Д.Марцинковской) и ее полипарадигмальности, при этом анализируемых в синхронном и диахронном планах. Обозначены контуры будущих размышлений о взаимоотношении психологии, общества и субъективности.

2. Главный провокационный вопрос критической историографии выглядит таким образом: не попадает ли психология в замкнутый круг, конструируя теориями и методами собственный предмет исследования – Homo psychologicus, который, точно годем, обретает осязаемые черты субъекта действия («актора» в социологическом смысле) в современной социальной жизни? По крайней мере мы можем обратиться к инструментам психологии для изучения человека западной цивилизации, с большей осторожностью применяя их в исторической перспективе.

Если ограничиться субдисциплинарными рамками социальной психологии, то для обозначенного временного континуума XIX–XX столетий («модерна» и «постмодерна») имеет смысл говорить об инвариантных культурно-эпистемологических проблемах, в том числе – о соотношении индивидуального и социального, маркируемого также дихотомией agency – structure, т.е. активности индивида в изменении социальной структуры и/или детерминированности его действий обществом. Иной путь – использовать клинический инструментарий психологии как исторически адекватный для понимания «расколотов» идентичности нашего времени [Соколова, 2015].

3. Осмысление социально-политической истории психологии и транслируемых ею идеологических представлений о субъективности приводит к дискуссии о том, а может ли вообще развиваться это критическое движение в отечественных реалиях (если учесть его «чувствительность» к должным контекстам), когда «практически любые усилия в социальной сфере разных социальных субъектов могут быть перечеркнуты в один день политической волей одного лица» [Белинская, 2015]? Вспоминая античный миф о Клио, от ослепленного страстью брака истории и общества рождается природа – вневременной и безмолвной сфинкс, а «где к прошлому прикасается власть, историю больше не изучают, ею управляют как ограниченным ресурсом – предметом еще одной государственной монополии» [Рубцов, 2015].

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. Психологические исследования, 2013, 6(30), 2. <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Бусыгина Н.П. Современные подходы к анализу дискурса, разговора и повествования и их значение для исследований в области. Психология в вузе, 2014, No. 4, 43–73.

Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Либроком, 2009.

Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ad Marginem, 2013.

Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: Александрия, 2009.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.

Дебласио А. [DeBlasio A.] Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях. Эпистемология и философия науки, 2010, 1(23), 60–172.

Джонстон У.М. [Johnston W.M.] Австрийский Ренессанс: интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

Донцов А.И. Феномен зависти: Homo invidens? М.: Эксмо, 2014.

Ждан А.Н. Особенности исследовательских традиций отечественной психологии в сопоставлении с всемирной психологической мыслью. Психея + Клио: электрон. журн. по истории психологии, 2010, 2(2). <http://www.psyhistory.ru>

Завершнева Е.Ю. Путь к свободе: к публикации материалов из семейного архива Л.С.Выготского. Новое литературное обозрение, 2007, No. 85. <http://magazines.russ.ru>

Зарецкий Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления. Неприкосновенный запас, 2012, 3(83). <http://www.nlobooks.ru>

Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Корнилова Т.В. Принятие неопределенности как предпосылка развития теоретической психологии. В кн.: А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич (Ред.), Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 178–200.

Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

Критическая психология: беседа со Славоем Жижекком. Ежегодник истории и теории психоанализа, 2008, No. 2, 103–115.

Кроче Б. [Croce B.] Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Лихи Т. [Leahy T.] История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Люк Х.Е. [Luck H.E.] История психологии: течения, школы, пути развития. М.: Научный мир, 2012.

Лосев А.Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития. М.: АСТ, 2000. Т. 1–2.

Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Академия, 2008.

Марцинковская Т.Д. Проблемы истории психологии в трудах Г.Г.Шпета. Методология и история психологии, 2007, 2(2), 21–31.

Оришева О.Ф. «Психологический человек» в поисках смысла: между нарциссизмом и жертвенностью. В кн.: Т.В. Щитцова (Ред.), Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 118–143.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2004.

Паркер Я. [Parker I.] Критическая психология и революционный марксизм. Антропопраксис, 2009, No. 1, 33–58.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: МНФРА-М, 1998.

Порус В.Н. Перекрестки методов. Опыты междисциплинарности в философии культуры. М.: Канон+, 2013.

Рено А. [Renaut A.] Эра индивида: к истории субъективности. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Робинсон Д.Н. [Robinson D.N.] Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Роуз Н. [Rose N.] Управление «развитыми» либеральными демократиями. Логос, 2008, No. 6, с. 191–216.

Рубцов А.В. Время России. Новая газета, 2015, No. 51. <http://www.novayagazeta.ru/>

Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя, 2008.

Седакова О.А. Проза. М.: Ту Принт, 2001.

Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России. Методология и история психологии, 2008, 3(3), 73–90.

Смит Р. [Smith R.] История психологии. М.: Академия, 2008.

Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2014.

Флем Л. [Flem L.] Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2003.

Фуко М. [Foucault M.] О начале герменевтики себя. Логос, 2008, No. 2, 65–95.

Чубаров И.М. Психология искусства Л.С.Выготского как авангардный проект. В кн.: М.А. Колеров, Н.С. Плотников (Ред.), Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2004–2005 год. М.: Модест Колеров, 2007. С. 215–233.

Шпет Г. Очерк развития русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.

Шульц Д., Шульц С. [Schultz D., Schultz S.] История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.

Щитцова Т.В. Проект-разведчик. В кн.: Т.В. Щитцова (Ред.), Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 5–15.

Элиас Н. [Elias N.] Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? Психологический журнал, 2015, 1(36), 23–132.

Юханнисон К. [Johannisson K.] История меланхолии. М.: НЛЮ, 2011.

Ярошевский М.Г. Марксизм в советской психологии. В кн.: Репрессированная наука: выпуск 2. СПб.: Наука, 1994. С. 24–44.

Benjamin L.T., Baker D.B. The internalization of psychology: a history. In: D.B. Baker (Ed.), The Oxford handbook of the history of psychology: Global perspectives. New York, NY: Oxford University Press, 2012. pp. 1–17.

Berry J.W., Poortinga Y.P., Breugelmans S.M., Chasiotis A., Sam D.L. Cross-cultural psychology: Research and applications. New York, NY: Cambridge University Press, 2011.

Cubitt G. History, psychology and social memory. In: C. Tileagă, J. Byford (Eds.), Psychology and history: Interdisciplinary explorations. New York, NY: Cambridge University Press, 2014. pp. 15–39.

Danziger K. Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York, NY:

Cambridge University Press, 1990.

Danziger K. Naming the mind: How psychology found its language. London: Sage, 1997.

Danziger K. Psychology and its history. *Theory and Psychology*, 2013, 6(23), 829–839.

De Vos J. Psychologization and the subject of late Modernity. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2013.

Drunen P., Jeroen J. Introduction. In: J. Jansz, P. van Drunen (Eds.), *A social history of psychology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. pp. 1–11.

Furumoto L. The new history of psychology. *The G. Stanley Hall Lecture Series*, 1989, 9, 9–34.

Handbook of critical psychology. New York, NY: Routledge, 2015.

Henriques J., Hollway W., Venn C., Walkerdine V., Urwin C. *Changing the Subject: psychology, social regulation and subjectivity*. London: Methuen, 1984.

Hepburn A. *An introduction to critical social psychology*. London: Sage, 2003.

Jansz J. Psychology and society: an overview. In: J. Jansz, P. van Drunen (Eds.), *A social history of psychology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. pp. 12–44.

Kim U., Yang K.-S., Hwang K.-K. Contributions to indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. In U. Kim, K.-S. Yang, K.-K. Hwang (Eds.), *Indigenous and cultural psychology: understanding people in context*. New York, NY: Springer, 2006. pp. 3–25.

Kusch M. *Psychological knowledge: A social history and philosophy*. London: Routledge, 1999.

O'Boyle C.G. *History of psychology: A cultural perspective*. London: Routledge, 2011.

Pickren W.E., Rutherford A. *A history of modern psychology in context*. New York, NY: Wiley, 2010.

Richards G. *Putting Psychology in its Place: Critical Historical Perspectives*. New York, NY: Routledge, 2010.

Teo T. *The critique of psychology: From Kant to postcolonial theory*. New York, NY: Springer, 2005.

Teo T. Historical thinking as a tool for theoretical psychology: On objectivity. In: J. Martin, J. Sugarman, K. Slaney (Eds.), *The Wiley handbook of theoretical and philosophical psychology: methods, approaches and new directions for social science*. New York, NY: Wiley, 2015, pp. 135–150.

Walsh R., Teo T., Baydala A. *A critical history and philosophy of psychology: Diversity of context, thought, and practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Ward S.C. *Modernizing the mind: Psychological knowledge and the remaking of society*. Westport, CT: Praeger, 2002.

Поступила в редакцию 19 мая 2015 г. Дата публикации: 26 августа 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Хорошилов Дмитрий Александрович. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: kcp@psy.msu.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Хорошилов Д.А. Новые подходы к историографии психологии. Психологические исследования, 2015, 8(42), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Хорошилов Д.А. Новые подходы к историографии психологии // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1164-khoroshilov42.html>

[К началу страницы >>](#)